
Игорь Беленький
Одиннадцать минут тишины
18+

Игорь Беленький

Одиннадцать минут тишины

«Автор»
2026

Беленький И.

Одиннадцать минут тишины / И. Беленький — «Автор», 2026

Роман-мозаика о несовпадении судеб, кризисе чувств и поиске подлинного тепла. Семь историй успешных, но одиноких людей сплетаются в единый психологический узел между Парижем и туманным побережьем Нормандии.Герои книги скупают антиквариат в Латинском квартале, пьют вино у камина в старинных поместьях и мастерски продают друг другу иллюзии. За глянцевым фасадом их жизней скрывается щемящая тоска по моменту, когда можно будет сбросить маски, остановить время и склеить осколки разбитого прошлого. Каждый из них уже купил свой билет в один конец. Но куда приведет эта дорога?Атмосферная психологическая проза в лучших традициях Франсуазы Саган.

© Беленький И., 2026
© Автор, 2026

Содержание

ОРАНЖЕВОЕ ЛЕТО 5
СЛУЧАЙНОСТИ В ОТТЕНКАХ VERY PERI 17
Конец ознакомительного фрагмента. 18

Игорь Беленький
Одиннадцать минут тишины

ОРАНЖЕВОЕ ЛЕТО

Я люблю тишину, темноту, одиночество.
Я боюсь тишины, темноты, одиночества.

Я еще не выпростался из последних сновидений, когда понял, что один.

Из окна, приглушенные старинными рамами, доносятся привычные звуки: заполошный птичий гомон, гул трактора на свекольном поле, ленивая перебранка на соседнем дворе.

И ясное соло моего дыхания, неразбавленное контрапунктом её уютного посапывания. Она всегда тихонько сопит утром. Но сегодня мое соло было чистым и беспримесным.

Она ушла.

Я не открываю глаза. На всякий случай, если она в доме и всего-навсего вышла на кухню или решила сегодня первой залезть под душ.

— Ты всегда напускаешь столько пара, что после тебя проветривать надо, иначе можно удар получить.

Я её понимаю, обожаю горячий душ даже летом.

Я еще немного подожду, прежде чем увидеть пустой шкаф с сиротливо болтающимися вешалками, небрежно скомканное полотенце (я аккуратист, не люблю скомканные полотенца), чашку недопитого кофе на столе. И почему я вдруг решил, что обязательно недопитого? Возможно, я льщу себе, думая, что она собиралась второпях, не хотела объяснений, боялась, что я захочу её остановить.

Она всё сделала правильно. Зачем разыгрывать спектакль, в правдивость которого не верят ни актёры, ни невидимый режиссёр, реализующий свои замыслы под разными псевдонимами. Некоторые из них звучат как Судьба, Неизбежность или Так Получилось. Получилось, как получилось, и я этому рад.

С табурета в ванной мне подмигивает ярко-оранжевый апельсин, а, проще говоря, её полотенце. Терпеть не могу оранжевый — один из её любимых цветов.

— Если тебе не нравится оранжевый, это признак начинающейся депрессии и неудовлетворенности жизнью. Советую обратиться к психотерапевту. Он поможет тебе на всё взглянуть иначе. Добавить тебе оптимизма, а то ты какой-то, какой-то… — она не договаривает и просто машет на меня рукой.

Её обычный жест, когда она не считает нужным затруднять себя поиском нужного слова в своем французском лексиконе. Я не хочу ни психоаналитика, ни оптимизма. Машинально беру еще мокрый оранжевый комок и бросаю его в корзину для белья. Пока это единственное, что меня не устраивает в жизни.

Оранжевый абажур на настольной лампе, на которую она заменила старый добрый торшер, я залил чаем. Ура. Долой оранжевые абажуры и полотенца и да здравствует… Не знаю точно что, но только не это. Согласен только на песенку, которую она напевает, когда в хорошем настроении, при этом фальшивя так, что я до сих пор не знаю, есть ли там вообще мотив.

Оранжевое солнце в облаках
Оранжевое небо на руках
Оранжевые песни над землёй
Оранжевое счастье нам с тобой

При мысли об оранжевом небе я каждый раз вздрагиваю, почему-то оно ассоциируется у меня с инопланетным нашествием, про которое случилось читать, когда еще маленьким был. А иногда я выступаю под именем «Король Оранжевое лето, голубоглазый мальчуган». Я черноволос, чернобров и темноглаз, если на кого и похож, то, на плохо кормленного галчонка. Но если это ей нравится, могу некоторое время побыть голубоглазым. Экипировка в виде «зелёного сюртука и парусиновых ботинок» несколько смущает, но я привык к экстравагантности русского представления о красоте.

На кухне недопитый кофе. Полупустая чашка на столе в компании с надкушенным вчерашним круассаном. Значит, всё-таки торопилась. У неё сложные отношения с едой — она ест всё, что так или иначе оказывается в пределах досягаемости, чтобы потом, посокрушавшись около весов, сесть на жесточайшую диету, заодно посадив на неё всех, кто рядом. Я научился выходить из положения, придумывая себе дела «в городе». Диета — это не для меня.

С каминной полки в гостиной на меня смотрит наше фото, которое мы сделали в одну из наших поездок в Ниццу. Она долго и придирчиво рассматривала кадры, всегда очень трепетно относилась к тому, как выглядит.

— Это не пойдёт, какая-то я тут толстая и ноги короткие. Может быть, вот эта? — Ей достаточно говорить самой с собой, моё мнение во внимание не принимается. — Да, пожалуй, вот эта. Тебе нравится?

Мне не нравится, вид у меня, откровенно говоря, идиотский. Да еще на мне дурацкая полосатая футболка. Спасибо, что не дополненная матросской шапочкой, ведь «мы же на море». Спорить не хочется, может быть, я действительно похож на идиота. Да будет так, аминь. Фотография в бронзовой рамке, купленной по случаю на нашей деревенской ярмарке, гордо именуемой аукционом, занимает место на каминной полке. Фотографии моей родни, не удостоившиеся такого вычурного обрамления, поджимают губы.

— Если не ошибаюсь, такую рамку я видела у нашей булочницы, когда довелось к ней единожды зайти. Ну чего хотеть от булочницы…

— Ах, гран-маман, не придирайтесь. Старой Франции, Франции идеального вкуса и бонтона, которую вы так любите, уже давно нет. Да и была ли…

Я переворачиваю фотографию. Потом возвращаю её в прежнее положение. Сегодня вторник, Мартина придет убираться, опять будет ворчать:

— Такого беспорядка ни в одном приличном доме не видала, а в хороших домах без малого уже лет сорок порядок навожу. А такой свинарник убирать, за это можно и денег прибавить.

Сейчас еще утро, но надо бы пройтись по дому до её прихода. Мне почему-то неудобно перед Мартиной, и каждый вторник я стараюсь навести хоть какой порядок до её появления, как минимум поставить всю грязную посуду в машину и развесить одежду, нашедшую временное пристанище в самых неожиданных местах.

***

Она смотрит на меня с фото. Ксани… Вообще-то её зовут русским именем Ксения. Но для меня оно так и осталось непроизносимым, так что мы сошлись на Ксани. Именно на Ксани, с ударением на последнем слоге.

— Как у настоящей француженки, правда?

Нет, неправда. Она так и осталась той, кем была. И не надо о загадочной русской душе. Никаких загадок.

Её русскость была неистребима на уровне туфель, сбрасываемых у входа, чтобы потом ходить по дому босиком.

— Не понимаю я вас, французов, ходите по улице и по дому в одной и той же обуви, грязно же, а еще Европа… — Похоже, мифическая Европа, которую она создала в собственном воображении, живя в своем захолустном русском городишке, разочаровывает.

В привычке делать себе завтрак, больше тянущий на обед, и откладывать в сторону нож.

— Ну все же свои, чего мучиться с ножом, я и вилкой справлюсь.

В беспардонных вопросах о зарплате, из-за которых мне приходилось смущенно откашливаться и срочно переводить разговор на политику, погоду или футбол.

Если не смотреть на фото, я не могу вспомнить её лицо. Я не могу вспомнить, какая она — женщина, с которой я прожил почти год и с которой накануне лёг в одну постель.

Образ Ксани распадается, словно я держу перед глазами детскую игрушку, которую надо было вращать, чтобы получить яркую картинку из кусочков цветного стекла. Сейчас я вращаю волшебную трубочку своей памяти, но картинки складываться не желают.

Её глаза, то по-детски круглые, светло-карие, такие наивные, когда она играет со мной в малышку, выпрашивающую у «доброго папочки» очередную игрушку. То вдруг раскосые, злые, почти чёрные. Я не спрашиваю о причинах. Настроение у неё меняется часто, я привык.

— Ты скучаешь по родине?

— Издеваешься? Дебильный вопрос. Мне не о чем скучать. Когда уезжала, сразу для себя решила: не вернусь. Никогда и ни за что. Как бы тут с ним ни сложилось, — сам понимаешь, рисковала, — не вернусь.

С ним…

Давайте сразу расставим точки над i.

С ним — это с мужем, по совместительству моим бывшим другом, Жилем. Жиль положителен во всех отношениях, мне до него далеко. Он выпускник престижного частного лицея. Он обладатель диплома чего-то там по математике, статистике и финансам. Он, уже сделавший себе неплохую карьеру и шагающий уверенным шагом к вершине успеха. Он, даже на фортепиано играющий почти профессионально, потому как закончил школу при консерватории. Жиль страстный охотник и спортсмен. Жиль, обожающий изысканную еду, любящий всё «классическое, изящное, дышащее красотой прошедших времён».

Собственно, на этом они и сошлись. Ксани умеет, когда нужно, произвести впечатление, оставляя за скобками нелюбовь к ножам и пристрастие к оранжевому. Она знает ровно столько, сколько нужно, чтобы хватило на поддержание первых пяти разговоров «о прекрасном», тем более эти разговоры вполне можно свести к чему-то русскому, в чем мало кто из моих соотечественников большой знаток.

— Надо привлечь внимание, заинтересовать. Это самое трудное, ты мне поверь.

Я верю, когда Ксани учит меня жизни. Я ей верю всегда. Верю, даже когда знаю точно, что верить нельзя.

Ксани, ставшая тем камнем, на который со всего маху навернулся мой такой правильный, целеустремлённый и рассудительный друг Жиль.

***

— Привет, Рене. Как ты, старик?

Я бурчу что-то невнятное. Звонок от Жиля, раздавшийся в моем мобильном несколько лет тому назад, вывел меня из приятного состояния полусна позднего воскресного утра. Что за привычка звонить в выходной раньше полудня. От его обращения «старик» раздражаюсь еще сильнее и хочу ответить что-то резкое. Ответить я не успел. Жиль со всеми говорит как с потенциальными клиентами финансовой компании, в которой трудится, то есть сразу берет быка за рога и переходит к делу. Мой ответ, каким бы он ни был, интересовал его меньше всего.

— Ты говорил, что в Россию собираешься. У меня к тебе просьба, надеюсь, не очень сложно исполнимая.

Замираю, предвидя худшее.

— У меня знакомая в Москве, хочу передать ей кое-что в подарок.

— А, может, курьерской почтой? — я, как утопающий, хватаюсь за соломинку, хотя и понимаю, что насчет почты он и без меня бы догадался.

Жилю надо несколько секунд, чтобы решиться.

— Понимаешь, я хочу, чтобы ты посмотрел, как она там…

— Не ревнуешь? Вдруг я ей понравлюсь? — понимаю, что согласиться мне все-таки придется, но не могу отказать себе в удовольствии хоть немного поколебать его самоуверенность. Получается не очень.

— Да брось ты, — Жиль смеется вполне искренне. Слава богу, не говорит вслух то, о чем, вероятно, думает: кто я и кто ты, тоже мне, покоритель сердец…

К сожалению, он прав. Ни тогда, ни сейчас не могу похвастаться внешностью звезды телесериалов или особыми жизненными достижениями.

— Хорошо, сделаю. Привози свои подарки и говори, как связаться с твоей знакомой.

Итак, несколько лет назад я прибыл в Москву, имея в багаже аккуратно завернутый сыр и бутылку красного. Странно, всегда думал, что ценители прекрасного достойны чего-то более изысканного, но да ладно, им, ценителям, виднее. Моё дело курьерское.

***

В первый раз мы встретились в каком-то маленьком кафе в центре. На Ксани плащ в стиле ретро и кокетливый шёлковый шарфик на шее. Ксани обожает шелковые шарфики и блузки. О, бедный мой кошелёк, и без того временами такой тощий, что кажется, будто он сидит на диете вместе со мной и Ксани. Но это будет потом.

В тот осенний день до этого было еще далеко. Тогда я просто получал удовольствие, глядя на неё. Так непохожую на всех моих тогдашних русских знакомых. Без стеснения разглядывающую меня своими светло-карими круглыми глазами, временами заправляющую за уши каштановые волосы, никак не желающие укладываться в строгое каре. Прикусывающую пухлую нижнюю губу, когда она не понимает, что я ей говорю. Мы говорим на странной смеси английского, французского и русского, которая потом станет нашим «семейным» языком. Но это будет потом.

В тот осенний день до этого было еще далеко. Кажется, мы просидели в кафе часа два. И все это время больше всего на свете мне хотелось запустить руку в непослушные каштановые волосы и поцеловать нежно-нежно пухлую нижнюю губу. Да здравствуют лингвистические барьеры, да уйдут в тень до времени все преподаватели и учебники иностранных языков. Я специально говорю сложными конструкциями и не брезгую сленгом, в конце концов, я не просто француз, а молодой француз. Мне простительно. Тешу себя мыслью, что это делает еще более впечатляющим мой «французский шарм», дополняя единственный приличный костюм и шелковый шейный платок, что получил от бабки в подарок на совершеннолетие.

— Кажется, мы забыли в кафе твой подарок, — я останавливаюсь как вкопанный посреди узкого тротуара. — Ты знаешь, что там было?

— Знаю, конечно. Жиль сто раз меня спросил, какой сыр и какое вино я люблю. Так что никакого сюрприза. Давай не будем возвращаться, к тому же его уже кто-нибудь с собой прихватил. Ну и чёрт с ним. — Она небрежно машет рукой куда-то в сторону, где, наверное, должен сидеть в засаде тот самый черт. — Ты же не расскажешь Жилю?

— Ни за что, даже если он будет пытать меня рассказами о преимуществах разных форм инвестиций.

Мы заговорщицки хихикаем. Бедный мой друг. Правильный, рациональный, такой прямой и честный Жиль. Тогда мы предали тебя в первый раз.

***

Я даю Жилю полный отчет о встрече. Отчет почти правдивый, если опустить детали с забытым в кафе пакетом и то, что встречались мы не раз и даже не два.

Все мое тогдашнее пребывание в России свелось к Ксани. Мне наплевать на Кремль, на легендарный Арбат и прочие «места, которые вам надо обязательно увидеть в Москве». В Москве я хотел видеть только её. Ускорять шаг, едва завидев у выхода из метро или на углу улицы знакомый бежевый плащ. Шарфики были каждый раз новыми, тогда я еще не выучил наизусть их цвета и узоры. Впрочем, я их так и не запомнил…

— Рене, опять ты всё перепутал, я же просила принести мне с турецкими огурцами, а не этот с геометрией. Ты удивительно невнимательный. — Она смотрит на меня со смесью жалости и раздражения во взгляде. Я не спорю, потому что не хочу, чтобы её глаза из светло-карих превратились в почти черные. Я не люблю чужие черные глаза. Возможно, излишне суеверен.

Мы гуляем по огромному городу или просиживаем часами в каком-нибудь недорогом кафе. На дорогие рестораны у меня почти никогда нет денег, но в ту осень для нас это было неважно. Или тогда она еще просто не решалась сказать мне об этом.

До этого еще несколько лет:

— Опять в нашу забегаловку пойдем. Только не повторяй мне в сотый раз, что там самый вкусный кофе и самые лучшие круассаны во всей Франции. Лучше остаться дома, чем опять видеть одни и те же лица, от которых меня уже скоро тошнить начнет, как и от тех круассанов. Когда же, наконец, съездим куда-нибудь. Господи, ты как Жиль — до Парижа всего ничего, а для нас туда поехать, что в экспедицию на край земли.

Она надувается, с размаху плюхается в кресло перед камином, демонстративно отворачивается и делает вид, что смотрит в окно. Мне очень хочется сделать замечание и попросить не портить кресло, которое привыкло к более деликатному обращению. Сказать, что ценительница всего старого и изящного могла бы бережнее относиться к мебели, помнящей ещё эпоху Людовика XIV… Но я просто пожимаю плечами и не очень убедительно обещаю:

— Хорошо-хорошо. Поедем на следующей неделе.

В тот свой приезд я почти растерял своих прежних русских знакомых, напрасно искавших со мной встречи и уставших от моих не очень убедительных отговорок. Если я с кем-то и виделся, то был невнимателен и неинтересен. Наконец, я забыл их всех.

Она провожала меня в аэропорту.

— Я рада, Рене, что случай нас свёл. Нам ведь было хорошо вместе, правда? Ты классный, с тобой… легко и, не знаю, как это лучше сказать, но, надеюсь, ты понимаешь. Теперь могу сказать, что у меня во Франции два хороших друга. Ты ведь будешь мне писать и звонить. Или я тебе. Ты же не против?

Я не против. Больше всего я хочу прижать её к себе и зарыться в непослушную каштановую гриву. Вместо этого я произношу что-то дежурно-нейтральное и пожимаю её протянутую руку.

В последний момент опомнились, что оставили на стойке подарки для Жиля, которые едва не постигла участь пакета, забытого нами в маленьком московском кафе. Им повезло больше. Жиль получил своё.

***

Об их свадьбе воспоминания смутные. Самое отчетливое: мне слегка жмут туфли, мне неудобно в смокинге — отвык у себя в деревне от приличной одежды, да и от большого общества тоже. Шумные компании и семейные праздники решительно не для меня. Я сижу рядом с виновниками торжества и жду, когда, наконец, отзвучат приветственные речи и можно будет где-нибудь уединиться.

— Рене, хочу сказать спасибо, что приехал. Ты так хорошо говорил, лучше всех, самое приятное поздравление было твое.

Как же она хороша в своем серебристом длинном платье с диадемой на каштановых волосах, сегодня уложенных в сложную прическу. Наверное, в моих глазах отражается то, что не должно в них отражаться.

Какое-то время мы молчим. Я смущаюсь от своих несвоевременных мыслей. О чем думает она, даже не пытаюсь понять, боясь нафантазировать бог знает каких глупостей.

— И подарок твой самый лучший. Не то что все эти стандартные мясорубки и какие-то еще уродцы от Старка. От них, правда, Жиль в восторге, думаю, в ближайшие дни его с кухни не вытащить, будет осваивать и экспериментировать.

Я слегка краснею при упоминании о подарке.

***

— Паскаль, ты поможешь мне выбрать подарок? Пригласили на свадьбу, хочу подарить что-то нестандартное.

— Скажи честнее: что-то не очень дорогое, потому что денег, как всегда, кот наплакал, а произвести впечатление нужно. На кого: на него или на неё?

— На обоих. Паскаль, не мучай вопросами, лучше придумай что-нибудь.

Паскаль — это моя бабка, не разрешающая себя называть бабушкой. Это оскорбляет её женское и артистическое самолюбие, поэтому с детства привык называть её театральным псевдонимом. Согласитесь, Паскаль эстетичнее, чем Мелани. Я тоже так считаю.

— Если не ошибаюсь, подарок для того сумасшедшего, который ничего лучше не придумал, чем притащить жену из России. А ты говорил, что он само благоразумие.

— Послушай, во-первых, ничего особенно сумасшедшего в русской жене я не вижу. Не хуже вьетнамки или польки. Во-вторых, ты мне собираешься помогать или нет?

— Собираюсь, собираюсь, — Паскаль не без труда поднимается из глубокого кресла. Да, изящество дается ей теперь непросто, она ведь совсем стара, моя любимая Паскаль, острая на язык, порой откровенная до жестокости, но такая мудрая и… такая красивая.

Паскаль что-то ищет в недрах своей необъятной библиотеки. До меня доносится шорох бумаг, глухой стук переставляемых томов и тихое недовольное бормотание. Я не тороплю.

— Вот, держи. И тратиться не придется, и впечатление произведешь. Если не путаю, твои друзья — начинающие коллекционеры. Надеюсь, оценят по достоинству. Альбом акварелей их известной персоны — Максимилиана Волошина. На мой-то взгляд, художество посредственное, но стоит недешево. Когда-то давно по случаю купила в России, а теперь вот пригодился.

— Спасибо, что бы я без тебя делал, я люблю тебя, Паскаль.

— Иди с глаз долой. Врать и льстить у тебя плохо получается. — Она воспроизводит свой коронный сценический жест «оставь меня навсегда» и берет в руки театральный журнал. Аудиенция окончена. Что Паскаль думает по поводу фоторамки, приобретенной на «аукционе» и нахально потеснившей родственников на каминной полке, она скажет позже.

***

На Жиля мой подарок, кажется, впечатления не произвел. Неудивительно. Уверен, что всё его «увлечение прекрасным прошлым» не более чем вычитанная где-то рекомендация о том, каким должен быть успешный бизнесмен, отвечающий требованиям к членам клуба «Я делаю свою жизнь образцом для зависти и подражания».

Кухня — другое дело. О, обманутый мой друг, я в вечном долгу перед тобой за паштеты, ризотто, террины, крем-карамели и бесчисленные шарлотки, которыми ты скрашивал наше существование в скудные студенческие годы, когда мы снимали на двоих малюсенькую квартирку в Бордо.

Я помню, как озарялось твое лицо, когда ты находил на полках затхлых букинистических лавчонок потрепанную книжку с «лучшими рецептами от…».

Я помню, как ты, приглушив звук, чтобы не слышали соседи, смотрел «вкусные» передачи, а потом отправлялся на кухню, куда входить запрещалось под страхом крупной ссоры, пока ты не закончишь колдовать над сковородками, мисками и кастрюльками.

Я помню, как сокрушался ты по поводу случайной кулинарной катастрофы. Как спрашивал: «Ну, как тебе?». И в этом твоем «Ну, как?» звучали гордость, надежда и волнение. В эти моменты ты был похож на Паскаль, которая, возбужденная и разгоряченная, вбегала в гримерку, куда я перебирался в антракте: «Ну, как тебе?».

Мне всегда всё нравилось. Я не очень строгий судья.

— Тебе повезло. Муж, обожающий готовить, — это просто находка.

— Можно считать, что мне вообще повезло. Вытащила лотерейный билет с выигрышем. Помнишь, я тебе говорила, что еще девочкой цель себе поставила — из России уехать. Не жить тамошней жизнью, скудной и скучной. Для меня однообразие и скука как удавка, не могу без новых впечатлений, без новых знакомых, на худой конец, хоть шторы и стулья поменять. — Она смеётся, а в её смехе мне чудятся грустные нотки, не приличествующие новобрачной.

— Ты счастлива? Любишь его?

— Разумеется, счастлива. И Жиля люблю. Он ведь славный, правда?

Мы еще делаем вид, что всё идёт и будет идти положенным чередом. Но для себя мы уже всё поняли.

***

Я не могу точно сказать, когда это было, у меня всегда сложности с датами и цифрами. «Советую тебе занести дату своего рождения во все гаджеты, иначе в какой-нибудь ответственный момент ты не сможешь её вспомнить и начнешь блеять что-то невразумительное. А у тебя и без этого часто не самый умный вид, если не сказать идиотский», — Паскаль, как всегда, права в своей безжалостности.

Это произошло, когда на улице было пасмурно, мелко и противно моросило, а деревья в нашем саду еще не решили, стоит ли им уже выпускать первые листочки или еще лучше подождать.

Она стояла передо мной, замерзшая, мокрая, в совсем неромантичной куртке и джинсах, забрызганных нашей сельской грязью. Намокшие волосы, которые не закрывал сползший капюшон, мокрыми веревками падали на глаза, она тщетно пыталась их сдуть на лоб. Руки у неё были заняты. Еще бы, ведь в каждой руке по ручке от чемодана. Два огромных чемодана, кажется, такие тяжелые, что она с трудом их удерживает, еще чуть-чуть и просто бросит на влажную от весенней мороси дорожку.

— Что ты тут делаешь? И как ты меня нашла?

О, моя изысканно-артистичная Паскаль, ревнительница хороших манер. Тебе было бы за меня не просто неловко, ты бы умерла от стыда за мою невежливость, выходящую за привычные для меня рамки. «Может быть, ты все-таки её поприветствуешь как полагается приветствовать женщину, даже если она пожаловала к тебе без приглашения и выглядит не очень привлекательно? И долго собираешься держать её под дождем?»

— Привет, — немного охрипший голос Ксани выводит меня из оцепенения. — Можно я войду? Очень замерзла и промокла. Так хочу кофе с коньяком, иначе, кажется, никогда не согреюсь.

Я отхожу от двери, перестав изображать банковского охранника на дежурстве, она входит в полутемный коридор. Нет, не в коридор и не в дом. Она опять вошла в мою жизнь, откуда просто отлучалась на некоторое время по не особенно важным и не особенно интересным делам.

В первый раз мы по-настоящему вместе. Я зарываюсь лицом в каштановую гриву, я целую глаза цвета благородного ореха, я ласкаю узкие покатые плечи, я покусываю маленькую грудь и сжимаю крутые, немного тяжеловатые бедра…

— Почему ты приехала ко мне?

Она не отвечает, просто подставляет для поцелуя пухлую нижнюю губу.

«Разумеется, она приехала к тебе. Полагаю, что ты единственный холостяк в их семейном окружении. К тому же рохля, у которого можно пожить бесплатно, пока не подвернется что-то более подходящее. Это же очевидно». Да, бабуля, это же так очевидно. Но самые очевидные ответы не приходят нам в голову, когда мы счастливы. А я был счастлив.

Три месяца того необыкновенного лета. Нашего оранжевого лета. Нашего оранжевого неба на руках. Три месяца нашего оранжевого счастья. Мы забросили работу, мы забыли о делах, мы ездили куда глаза глядят, не имея ни конкретной цели, ни маршрута. Не зная вечером, где будем на следующий день утром. Знакомясь со случайными попутчиками, чьи имена и лица забывали навсегда, останавливаясь в забытых богом городишках и проводя ночи на скрипучих старинных кроватях. Наслаждаясь едой в дорогих ресторанах и деревенских забегаловках. Мы истратили свои скудные сбережения, и я даже решился попросить денег у Паскаль под «учти, ты своими руками урезаешь размер своего наследства». Наконец, закончились и они.

***

Звонок Жиля раздался, как всегда, рано утром. Не могу сказать, что совсем врасплох, к чему-то подобному я готовился. Как оказалось, готов я не был.

— Она у тебя. Молчи. Я знаю, что у тебя. Нашел в компьютере поиск маршрута до твоей дыры. Ты сволочь, гад. Предатель.

Я обо всем этом догадываюсь и без его подсказки, и поэтому молчу. Жду, когда он закончит орать, потому что слов ему перестанет хватать.

— Я все понимаю. У нас не сложилась семейная жизнь, хотя уверен, что мы могли бы всё наладить, договориться. — Он уже почти спокоен, мне даже кажется, что говорит Жиль не со мной, а в который раз проговаривает много раз говоренное самому себе или ведет воображаемый диалог с Ксани. — Но тут появляешься ты… — его голос опять переходит на крик. Да что там на крик, на визг, если уж описывать ситуацию максимально близко к реальности. — Ты полное ничтожество. Без настоящего образования, вечно без денег, без настоящей работы, без целей… Не красавец, не умный, ленивый и аморфный, как медуза на берегу. — Что-то похожее я временами слышу от Паскаль, правда, слушать её хорошо поставленный голос — годы службы в Комеди Франсез даром не проходят — куда как приятнее, чем визг неудавшегося мужа своей женщины. — И не возражай мне, не первый год тебя знаю. Всё, всё у нас могло бы с ней быть хорошо, я так её люблю. Я что угодно готов сделать, только бы она была счастлива. И вдруг — ты…

— Хотелось бы уточнить, — я не даю ему договорить, впервые открыв рот, чтобы прервать его гневную тираду, пошедшую на второй круг и начавшую уже надоедать. — Хотелось бы напомнить, что мы практически не виделись со дня вашей свадьбы, даже переписывались и перезванивались редко. Это первое. И второе. Я её не звал. Она приехала ко мне сама. Неожиданно и без всякого предупреждения. Ксани — свободная женщина и вольна сама решать, где ей лучше. О себе я всё услышал и всё понял. Но еще раз звонить мне не советую. Рискуешь услышать правду о себе. И не вздумай приезжать. Я, может быть, и медуза на песке, и жалкий тип, ни на что не способный. Но одно я делаю очень хорошо — стреляю. Особенно по непрошеным гостям, которые мне не по нраву.

Отбой.

Я не слышал, как она подошла. Она ходила по дому босиком, часто пугая меня внезапным появлением. Видимо, давно стояла в дверях, так что пересказывать разговор не было смысла.

— Знаешь, Ксани, я никогда не спрашивал, почему ты от него ушла. Хочу спросить сейчас, раз твой славный Жиль так невежливо о себе напомнил.

— Скажу. Он скучный. Предсказуемый и скучный. У него все по плану: работа, курсы квалификации, очередной сертификат, расходы. Даже развлечения. На следующей неделе идем

в гости к шефу, первый раз пригласил, это очень важно. В воскресенье обед в охотничьем клубе, а вот в конце месяца можем и на Гранд-Опера замахнуться. — Она так мастерски копирует голос Жиля и его манеру штудировать расписание дел в телефоне, с которым, наверное, и ночью не расстается, что я невольно прыскаю. — А я так не могу. Кажется, я все время и всем об этом говорила. Он не смог этого понять. С тобой, Рене, не так. Вернее, было не так. Боюсь, что ты тоже рискуешь стать предсказуемым и скучным. Только на свой лад. Предсказуемым даже в своем сибаритстве и лени. Извини, не хотела тебя обидеть.

— Ты никогда не сможешь меня обидеть. — Я слишком, как показало время, поторопился со своей категоричной уверенностью. — Я тебя люблю. А ты?

Она не ответила. Честность одно из её достоинств.

Мне показалось, я услышал слабый треск — первая трещинка в наших отношениях образовалась почти беззвучно. Скорее всего, это всего лишь треснул старый буфет, он на своем долгом веку еще и не такое видел и слышал.

***

Поздней осенью случилось то, чего мы оба так боялись и в чем долго не решались друг другу признаться. Мы заскучали.

Все чаще сидели каждый в отдельной комнате, отговариваясь тем, что «работа есть работа, нам надо на что-то жить». Все чаще Ксани подолгу разговаривала с кем-то по телефону. Разговаривала, плотно прикрыв дверь. Мне разговаривать было не с кем. Разве только с Паскаль, которая в ту осень почти перестала выходить из дома, сетуя на раньше времени начавшиеся дожди и сырость, отчего «проклятые суставы совсем разболелись, и чертова сиделка прописалась в доме до весны».

Мне жалко Паскаль, но я одновременно вздыхаю с облегчением. До весны я могу не волноваться.

— Почему ты не хочешь познакомить меня с твоей бабкой, стесняешься меня?

— Да что ты такое говоришь! — Я притворно возмущаюсь, помня нелестное суждение Паскаль о моих артистических способностях по части лести и вранья. — Она не в самом презентабельном виде, а для неё знакомиться с кем бы то ни было, если не во всем блеске, абсолютно исключено.

Кажется, Ксани не очень мне верит, она достаточно умна и проницательна, чтобы усомниться в моей искренности. Я же намерен стоять на своем до конца. Вот только этого мне не хватало:

«Рада знакомству. Вы та русская, о которой мне столько говорил мой внук. Для русской у вас относительно неплохой французский, хотя до совершенства еще далеко. Если хотите, могу вами заняться. Года через два, если, разумеется, жива буду, сделаю из вас человека. С вами можно будет предстать в приличном обществе. Кстати, шарф вы выбрали неудачно, напоминаете мне бывшую коллегу. Играла провинциальных простушек и наивных дурочек, пока грим не перестал спасать. Впрочем, ей даже играть не надо было, она такой и была. Кстати, как поживает ваш супруг? Совсем запамятовала спросить, уж прошу простить старуху, голова совсем никуда не годится…»

Я начал находить на кухне пустые бутылки и грязные пузатые бокалы.

— Что ты хочешь, я должна хоть как-то себя поддерживать, иначе просто с ума сойду. На моей родине это принято. Пить с тоски.

О родине она вспоминать не любит, хотя от нечего делать иногда устраивает мне «вечер воспоминаний». Воспоминания не самые приятные.

— Ксани, тебя послушать, так в России кроме снега, скверной еды и тараканов на кухне ничего путного нет. Я видел и другую Россию.

Она зло усмехается:

— Ты иностранец. Мы умеем принимать иностранцев. Шикарные гостиницы, Большой театр, центр Москвы, вылизанный и фонариками увешанный. Когда Жиль в первый раз в моем родном захолустье побывал, так потом две недели в себя приходил. Не знаю, от чего больше страдал: от нервного расстройства или от несварения.

О нём она вспоминает всё чаще и чаще.

«Жиль такие вкусные кексы печет, просто пальчики оближешь. На Пасху мне наш русский кулич испёк, я их обожаю. У него даже лучше получилось, чем у моей бабки покойной, царство ей небесное».

«Мы с Жилем по воскресеньям всегда в ресторан ходили, он заранее выбирал на свой вкус, чтобы кухня каждый раз была разная. Он настоящий гурмэ».

«У Жиля такой же галстук был, ему к лицу, а тебе совсем не идёт, ты уж лучше сними».

Жиль то, Жиль сё… Жиль, Жиль, Жиль…

Похоже, она ждёт не дождется, когда мне это окончательно надоест. Можно будет устроить небольшой скандал с последующими слезами. Не лучшее развлечение, но уж какое есть. На другие у меня ни денег, ни сил. Что ж, хотя бы в этих ожиданиях я её не разочаровываю.

— Послушай, если он такой необыкновенный, так вернись к нему, он, в конце концов, твой муж. Законный супруг, как говорится, перед богом и перед людьми, — кричу, тщательно следя за тембром голоса. Я помню уроки Паскаль. — Со мной скучно, мы никуда не ходим и не будем ходить, потому что меня мутит от всего, что ты так любишь. От ресторанов, от компаний придурков, которые только и умеют, что друг перед другом щеки надувать, какие они успешные и оригинальные. От Парижа твоего любимого, который у тебя любимый только потому, что ты его не знаешь. От барахолок этих убогих, на которых только то, что мало-мальски понимающие люди в руки побрезгуют брать. Всё это, пожалуйста, без меня. А Жилю могу позвонить, организовать твое возвращение к замечательному твоему мужу, чьи достоинства ты так поздно оценила. Он хороший, наш Жиль, он всё поймет и простит. Устроит торжественный ужин «Возвращение блудной жены к великодушному мужу».

Мой запал иссяк так же быстро, как и начался. Она смотрела на меня, слегка наклонив голову к плечу. Смотрела внимательно, словно видя в первый раз. Таким она меня не знала.

— Прости. Я напрасно донимаю тебя своими капризами. Понимаю, что слишком многого хочу от людей и от жизни вообще. Хочу, чтобы не было ничего раз и навсегда застывшего, как на моей родине сейчас говорят, стабильного. Хочу, чтобы постоянно всё вокруг менялось, хочу, чтобы всегда драйв и веселье, чтобы всегда чувства на пределе. А так не бывает. И нечего на это надеяться, пора уже заканчивать с иллюзиями и желаниями, что совсем зелёным простительны, которые жизнь только в сериалах видели. И да, не хотела тебе говорить, но раз уж такое дело. Жиль мне больше не муж. Что ты так на меня уставился?

— Как-то не думал об этом. В смысле, что вот так взять и развестись… ты даже с ним не встречалась.

— Зачем? Ни прощения просить, ни назад проситься я не думала, так зачем резину тянуть. Сделали все дистанционно, делить нам нечего, детей у нас нет.

— Он не хотел? Я детей имею в виду.

— Нет, он-то как раз хотел и очень. Можно сказать, мечтал, дети у него почти как идея фикс. Я не хотела и не хочу. Конечно, когда-нибудь придётся, но как можно позже. Не готова я еще себя из жизни вычеркнуть и домашней курицей заделаться. Кто бы там что ни говорил про нянек и престижные заведения, где всему научат и от всего сберегут, всё равно ребёнок — это ребёнок, который без матери никуда. А я, как ты уже догадываешься, или делаю хорошо, или никак. Вот пока никак. Когда пойму, что мне это нужно, тогда и рожу. Не нажилась я еще в своё удовольствие, Рене. К Франции еще не очень привыкла, по всему миру еще не наездилась, не все еще барахолки обошла и не со всеми придурками познакомилась. Про Жиля больше не буду вспоминать, обещаю. Я же это просто так говорила, чтоб тебя расшевелить, а то как-то

у нас не по-настоящему всё. Почти год под одной крышей живем и в одной постели спим, а ни разу не поскандалили.

Она смеётся сквозь слёзы. Я не уверен, что понимаю, почему она плачет. Я просто целую её закрытые глаза, из которых беззвучно льются и льются прозрачные светлые капли.

Мы больше никогда не ругались. Мы больше никогда не говорили по душам. Мы никогда больше не предавались воспоминаниям, ни личным, ни нашим общим. Мы никогда больше не вспоминали ни Жиля, ни Паскаль. Мы никогда больше не были вместе.

Я уже почти засыпал, когда она спросила меня:

— У нас есть планы на лето?

— Да, Ксани. Я уже договорился со знакомыми в Италии, мы можем провести у них почти все лето. Домик довольно скромный, но что нужно там есть. По всей стране поездим, ты же хотела в Италию… Купим тебе зонтик от солнца. Самый большой и самый оранжевый.

Она тихо смеётся и кладет голову мне на плечо.

— Скажи, Рене, когда ты Жиля предупреждал, чтобы он здесь не показывался, что ты и застрелить его можешь, если твой порог переступит, ты тогда серьёзно говорил или так, в пылу спора?

— Конечно, со зла брякнул, у меня рука не поднимется так вот запросто взять и в человека пулю всадить. Если, конечно, он твоей или моей жизни угрожать не будет.

— Я почему-то так и думала. Спи, Рене. Спокойной ночи.

Следующим утром я проснулся один.

***

Мы опять дружны с Жилем. Мы встречаемся с ним почти каждую неделю. Но своими кулинарными шедеврами он меня не балует.

— Прости, Рене. Сесиль не очень хорошо себя чувствует, все-таки седьмой месяц. А ты же её знаешь, если весь дом сиять не будет, ни за что никого не пригласит. Даже тебя, хоть ты у нас почти как член семьи. Кстати, ты у нас крестный, не забыл?

— О чём речь. Конечно, не забыл. Уже готов к исполнению обязанностей.

— Прости за нескромность, но ты по-прежнему один?

— Один. Есть одна девушка, но, скорее, друг, чем… Думаю, что так и останусь холостяком. Семья — это не для меня.

— Не зарекайся.

Я и не зарекаюсь.

Паскаль совсем сдала. Почти целые дни проводит в кресле на веранде или в библиотеке. В который раз перебирает старческими неуверенными руками пожелтевшие фотографии, немые свидетельства её и нашей жизни. Она одобряет моё решение доучиться и получить нормальный диплом. Конечно, не может удержаться от обычной иронии:

— Ты и информационные технологии. Немыслимо. С твоей-то дырявой головой.

— Паскаль, голову я заштопал. Ни одной дырки. Можешь сама убедиться. — Я кладу голову ей на колени, закутанные мохнатым пледом, несмотря на тёплую погоду.

— Да ну тебя. Как был шутом гороховым, так и остался. — По привычке дает мне подзатыльник. О, сколько их было, этих подзатыльников, от которых потом еще несколько минут звенело в ушах. Я готов получать их снова и снова, лишь бы она жила. Моя замечательная бабка. Моя Мелани-Паскаль.

***

Мы никогда не говорили о Ней. Табуированная тема. Никто не решался нарушить табу, а, может, нам просто нечего было сказать. Она оставалась для нас воспоминанием, не очень приятным, но в любом случае неординарным.

Она напомнила о себе сама.

Поздним звонком, разорвавшим сонную предночную тишину моего пустого дома.

— Привет. Это я. Узнал? Чувствую, что узнал, ты всегда очень выразительно сопишь, Рене. Извиняться не буду, даже не жди.

— Я и не жду. Тебе не в чем извиняться, а мне не за что тебя прощать. Как ты?

— Нормально. Замуж выхожу. Он адвокат парижский, довольно перспективный. Квартира в шестнадцатом округе мне вполне подходит.

— Звонишь среди ночи сообщить, что ты опять невеста? Ксани, говори быстрее, что тебе нужно, не юли, ты всегда конкретна в своих желаниях. А у меня не очень много времени, скоро экзамен в университете.

— Окей. Перейдем к делу. Помнишь, ты нам с Жилем на свадьбу альбом подарил с акварелями. Я потом его с собой взяла, когда… ну, понятно, когда. Подумала, что Жилю он нафиг не нужен, а мне нравится. Хочу его забрать, ведь ты его не выбросил?

— Не уверен, но, кажется, не выбросил, где лежит не помню. Искать сейчас нет ни времени, ни желания. Только вчера от Жиля вернулся, был крестным их малыша. Так что без обид.

Я прекрасно помню, где альбом, но почему-то мне хочется сделать ей больно. Пусть чуть-чуть, хотя мне совершенно ясно, что для неё это еще меньше, чем слону дробинка.

— Да какие обиды, Жилю привет и мои поздравления. Рада за него: всё по плану и всё как полагается приличному буржуа. Мне не очень срочно. Мы с Людовиком едем недели на три в Италию. Можно не спешить, когда вернусь, позвоню.

— А мы с тобой так и не съездили в Италию…

Некоторое время мы молчим. Я почему-то думаю, что она тихо плачет. Впрочем, выдаю желаемое за действительное и непозволительно фантазирую.

— Нет, Король Оранжевое лето. Не съездили. Цветное лето у нас было только одно, и я его никогда не забуду. Прости. Я позвоню, когда вернусь.

Я не стану ждать, когда она вернется. Я бегу в «её» бывший кабинет, извлекаю из шкафа альбом акварелей, смахиваю с него пыль и кладу на стол.

В прихожей в углу теперь красуется ослепительный ярко-оранжевый зонт, а на полке в шкафчике моей огромной ванной аккуратной стопкой уложены пушистые полотенца, похожие на горку свежих апельсинов.

Надо предупредить Мартину, чтобы ничего не трогала. Завтра вторник, её день…

СЛУЧАЙНОСТИ В ОТТЕНКАХ VERY PERI

Как обычно, забыл поставить будильник на повторный звонок и катастрофически проспал. Бегом-бегом — душ, бритва, завтрак отложим на туманное «потом», срочно в гардеробную. Думаете, у меня романтическое свидание, важная деловая встреча или хотя бы собеседование с очкастой менеджершей, навсегда замурованной в серый костюм? — Ничего подобного. Сегодня я еду к Паскаль. Паскаль — это моя бабка, бывшая драматическая актриса, поклонница мифической «старой Франции», классически поставленного произношения и хорошего тона в любой мелочи. Мой советчик и спаситель в сложных жизненных ситуациях, в которые я умудряюсь влипать чаще, чем хотелось бы. Мой ангел-хранитель и самый строгий судья, острый на язык, порой не утруждающий себя деликатностью и говорящий «всё как есть». Старая моя Паскаль, до сих пор пытающаяся дотянуться до моего затылка и отвесить худющей слабой рукой очередной подзатыльник, которых я получил от нее великое множество.

К Паскаль нельзя ехать абы в чем. Судорожно сдираю с вешалки нейтрально-голубую рубашку, дежурный галстук постоянно сопровождает меня в поездках и валяется на пассажирском сиденье. Надену, пока буду стоять на светофоре. Даже если не особенно тщательно выверенный прикид, лучше, чем в джинсах и рубашке навыпуск. «Ну, спасибо, что не в пижаме пожаловал». Ни за что не признаюсь Паскаль, что последний раз в пижаме я спал в лагере бойскаутов, куда мои родители на грани развода отправили меня на лето, чтобы не мешал им со смаком и без посторонних выяснять отношения. Шикарная шелковая пижама, которую Паскаль подарила мне на «вдруг ты познакомишься с приличной дамой», до сих пор лежит в подарочной коробке где-то в глубине шкафа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.